

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Шизофрения сетевого пространства	12
Открытие, закрытие и фиксация дискурса	17
Структура книги	21
ГЛАВА 1. ВО ИМЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ УТОПИИ	23
Неолиберализм, демократия и национальный суверенитет.	23
Неолиберализм и украинская независимость	28
Явление Зеленского: изошренность симулякра.	33
ГЛАВА 2. СУМЕРЕЧНАЯ ЗОНА БЕЗ ПРАВДЫ И ЛЖИ	39
Партийная машина глобализма	39
Интегральная реальность	45
Зеленский — Голобородько — Зеленский	51
Эктоплазма экрана.	54
ГЛАВА 3. СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕССМЫСЛЕННО	57
«Не випускай землі з рук»	57
Похоронить коммунизм	65
Морализация политического	72
ГЛАВА 4. НАШЕСТВИЕ ВАРВАРОВ	75
Война за цивилизацию	75
Война за демократию	80
Объединение мира вокруг «правды»	82
Финальная битва Добра и Зла	85
ГЛАВА 5. ГЛОБАЛЬНАЯ ФИКСАЦИЯ ДИСКУРСА.	91
Отмененные смыслы Майдана	91
<i>Олесь Бузина</i>	92
<i>Руслан Коцаба</i>	95
<i>Дмитрий Василец</i>	97

Отмененные смыслы СВО.100
<i>Юрий Ткачев</i> 101
<i>Дмитрий Жангиров</i> 103
Смысловые узлы оппозиционного дискурса106
ГЛАВА 6. ИНТЕГРАЛЬНАЯ ШИЗОФРЕНИЯ108
Антимышление108
Двойное послание115
Падение воображения120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ126
БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ.132

Введение

ПОСТМОДЕРН — понятие сложное. Разные мыслители, пытавшиеся осмыслить эпоху постмодерна, акцентировали внимание на разных ее аспектах [Павлов, 2023]. В этой книге данное явление рассматривается сквозь призму теорий, фокусирующих внимание на социально-философском воображении постмодерна, которое начало формироваться в Европе во второй половине XX в. как проявление кризиса сознания, связанного с переосмыслением Второй мировой войны, Холокоста, войн деколонизации, войны во Вьетнаме и прочих проявлений кризиса западной модели современности. В глазах многих европейских интеллектуалов перечисленные трагические события ознаменовали собой несостоятельность веры в то, что эта модель несет человечеству процветание и прогресс. Напротив, все эти рукотворные кошмары символизировали крах надежд на всемирное торжество гуманизма, воспетого Просвещением.

«Огромное чувство вины, разделяемое как интеллектуалами, так и политиками» [Baudrillard, 1994], привело к «широкому неприятию веры в прогресс, научные знания и человеческую способность изменить общество к лучшему, улучшить человеческую историю» — так суть происходящего сформулировал британский социолог Франк Веб-

стер [Webster, 1995, p. 164]. Как следствие этих трансформаций, по наблюдению французского исследователя Заки Лаиди, политика перестала находить свою легитимность в видении будущего, а свелась «к управлению обыкновенного настоящего» [Laidi, 1998, p. 7]. Широкое распространение получило иронично-скептическое отношение к наиболее взлелеянным ценностям эпохи Просвещения, которые и определяли идеологию западного модерна.

Все происшедшее в XX столетии требовало переосмысления эволюционистской парадигмы видения будущего, в соответствии с которой западной цивилизации было предназначено прокладывать путь к историческому прогрессу для всего человечества, «возглавляя огромную колонну,двигающуюся вперед, и указывая путь другим», как саркастически заметил канадский философ Чарльз Тейлор [Taylor, 1992, p. 424]. Осознание того, что идеология западнцентризма потерпела крах, заставило многих западных интеллектуалов заняться пересмотром всех нормативных представлений, что в итоге привело к «концу революционных идеологий, колониальных идеологий и христианских идеологий» [Dosse, Glassman, 1998, p. 359].

Возникла так называемая идеология неидеологий — то, что собственно и характеризует воображение постмодерна в социально-философском смысле. Все «метанарративы» были поставлены под сомнение; все «большие» теории, претендующие на универсальность, были оспорены; любой «тотальности» была объявлена война [Lyotard, 1984]. Оружием этой войны стала широкая программа деконструкции устоявшихся значений, воспринимаемых как «здравый смысл», — процесс, влекущий за собой разрушение этого самого смысла, который начинает восприниматься как «порабощающий» и мешающий представить альтернативные, более справедливые варианты мироустройства.

Часто именно это ставят в упрек мыслителям, пытавшимся осмыслить новую эпоху. Им вменяют в вину то, что в поиске исторической альтернативы западному модерну вместе с его программой они выплеснули и ребенка, т.е. здравый смысл. В этом упреке, несомненно, есть большая доля истины, о чем пойдет речь далее. Однако для того, чтобы разговор о постмодерне как о «структуре чувств» [Williams, 1977, p. 128] не был одномомерным, следует исходить из знаменитого замечания Фредрика Джеймисона о том, что постмодерн — это не стиль, а культурная логика конкретной исторической эпохи [Jameson, 1992].

Как отмечают многие исследователи, помимо всего прочего, эпоха постмодерна характеризуется потерей смысла, целей и общих значений для Запада — «слабого и напуганного общества, которое не сумело соответствовать своим собственным провозглашенным принципам», как сформулировал это британский исследователь Филипп Хаммонд [Hammond, 2007, p. 58]. Тревога, неуверенность и страх — вот те культурные доминанты, которые при таком ракурсе осмысления проблемы характеризуют мироощущение постмодерна. Как сформулировал это французский историк Жан Делюмо,

массовые убийства двадцатого века, начиная с 1914 г. до геноцида в Камбодже, включая различные холокосты и бомбовое истребление Вьетнама, угрозу ядерной войны, постоянно растущее применение пыток, увеличение количества ГУЛАГов, исчезновение ощущения безопасности, стремительное и все более тревожное развитие технологий; опасности, связанные с нескрываемо интенсивной эксплуатацией природных ресурсов, различными генетическими манипуляциями и неконтролируемым информационным взрывом: вот так много факторов, которые, собранные вместе, создают атмосферу тревоги в нашей цивилизации [Delumeau, 1990, p. 96–97].

«Как перспектива разочарования, постмодернизм точно описывает неопределенность, релятивизм и отсутствие веры в себя, которые характеризуют сегодняшнее общество, однако не способен это преодолеть», — отметил Хаммонд, анализируя связку между социально-политическими трансформациями второй половины XX в. и социально-политическими теориями, пытающимися эти трансформации осмыслить [Hammond, 2007, p. 8].

Это важная мысль. «Структура чувств» постмодерна возникает как осознание несостоятельности западноцентричных идеологий, обещающих процветание и прогресс всему человечеству. Однако, справедливо критикуя эти идеологии и высмеивая тупик, в который они завели, многие мыслители постмодерна оказались заложниками собственной программы, отрицающей любой метанарратив. Как следствие, никакой внятной альтернативы метаидеологии западного модерна, логическим следствием развития которого стали ужасы колонизации, деградация и войны, постмодернисты предложить не могли. Деконструкция гегемонистских идеологий вкупе с насмешливо-скептическим отношением к ним вряд ли сама по себе могла послужить альтернативной программой построения лучшего будущего.

Да и возможность существования такой единой для всех программы теоретики постмодерна тоже отрицали. В представлении постструктуралистов, например, любое единство формы и значения представлялось (и представляется) как ситуативное и временное; связи между означающим (формой) и означаемым (содержанием) постоянно разрываются только для того, чтобы вновь возникнуть в новых, непредсказуемых комбинациях [Derrida, 1994]. Следовательно, в соответствии с этой парадигмой, никакой смысл не может быть абсолютно одинаковым в разных социокультурных обстоятельствах; более того, даже при одних и тех же обстоятельствах никакой смысл

не может быть постоянным. Нет таких понятий, которые не были бы вовлечены в бесконечную игру значений [Eagleton, 1983]. Эта новая постмодернистская смысловая матрица характеризуется сдвигом границ мышления, дестабилизацией общих убеждений, отрицанием самого отрицания и шизофреническим триумфом оксюморона, который становится вездесущим.

Критикуя идеологию модерна, постмодернисты, таким образом, не могли (да и не хотели) ему противопоставить свое собственное обещание всеобщего счастья — любая претензия на всеобщность виделась ими не иначе как очередная попытка порабощения и отрицалась. Освобождение человеческого состояния представлялось не в следовании какому-то общему правилу (что чревато новыми ужасами колонизации и истребления тех, кто не вписывается в него), а созданием своих собственных правил в рамках постоянно движущейся матрицы значений. Как сформулировали это Жиль Делез и Феликс Гваттари посредством метафоры ризомы,

бухгалтерия и бюрократия работают по следам. Но они могут начать цвести, выбрасывая стебли ризомы, как в романе Кафки. Интенсивная особенность начинает работать сама на себя, галлюцинаторное восприятие, синестезия, перверсивная мутация или игра образов вырываются на свободу, бросая вызов гегемонии означющего. В случае с ребенком жестовая, миметическая, игровая и другие семиотические системы обретают свободу и выпутываются из «следа», т.е. из доминирующей компетенции языка учителя, — микроскопическое событие нарушает локальный баланс сил [Deleuze, Guattari, 1972, p. 15].

На языке Делеза и Гваттари быть ризоматичным означало иметь неограниченность мышления, при которой мысль может развиваться в любом направлении, а не просто следовать заранее проложенным «следам».

Фигура ризомы противопоставлялась фигуре дерева, которое развивалось только по заранее заданным направлениям. «Мы устали от деревьев. Мы должны перестать верить в деревья, корни и корешки. Они заставили нас слишком сильно страдать», — сокрушались философы [Deleuze, Guattari, 1972, p. 15]. По замыслу Делеза и Гваттари, для устранения дальнейших страданий «древесную» сущность человеческой культуры следовало превратить в ризоматическую.

Героем-бунтарем в этой философской системе становится фигура шизофреника, руководствующегося своей собственной системой координат:

В его распоряжении имеется собственный записывающий код, который не совпадает с социальным кодом или совпадает с ним только для того, чтобы пародировать его. Код бреда или желания оказывается необычайно изменчивым. Можно сказать, что шизофреник переходит от одного кода к другому, что он намеренно путает все коды, быстро меняя один на другой в соответствии с задаваемыми ему вопросами, никогда не давая одно и то же объяснение изо дня в день, никогда не ссылаясь на одну и ту же генеалогию, никогда не записывая одно и то же событие одинаково [Ibid., p. 15].

Признавая нелогичную, парадоксальную, противоречивую, дезориентирующую — шизофреническую — природу ризоматической смысловой сети, Делез и Гваттари тем не менее с оптимизмом смотрели на ее способность освободить людей от всех структурных (порабощающих) ограничений общества.

ШИЗОФРЕНИЯ СЕТЕВОГО ПРОСТРАНСТВА

Проблема с постмодернистской верой в освободительный потенциал ризоматической шизофреники стала очевидной, когда сетевая сущность глобального человече-

ского общества стала более осязаемой. Это произошло с появлением глобальных коммуникационных сетей, связавших разнообразные культуры, мировоззрения и идеологии в одно большое сетевое пространство. Они не только расширили горизонты возможностей и разнообразных свобод, но и радикализировали торжество оксюморона — сосуществование взаимоисключающих значений в одном пространстве, усиливая тем самым страх перед неизвестным, масштабы которого становились беспрецедентными. Как отмечает Марк Физерстоун, «сегодня мы находимся в странной ситуации, в которой мы больше не справляемся со стремительно меняющимся технологическим миром, который мы построили для себя» [Featherstone, 2008, p. 187].

Сколько сетевой шизофрении способно выдержать человечество? Этот вопрос стал, по сути, центральным для немецкого философа Рюдигера Сафрански в его работе «Сколько глобализации мы можем вынести?» [Safrański, 2005]. В ней философ обсуждает напряжение между Эго, которое всегда ищет идентичность во времени и пространстве, и перманентной «детерриторизацией» глобальных смыслов. По мнению Сафрански, попытки людей постичь бесконечность смысловой сети, открывающейся при глобализации коммуникаций, могут привести к серьезным психопатологическим эффектам — очень важный аспект проблемы, о котором речь будет идти далее.

Обсуждая возникновение «глобального общества риска», Ульрих Бек — еще один немецкий философ — также указывал на «чувство кризиса», проявляющееся в страхе утраты безопасности и неспособности знать, контролировать и устанавливать простые причинно-следственные связи. В глобальном обществе риска, по теории Бека, люди теряют «контроль над реальностью» [Beck, 2007, p. 292] и ищут «утраченную

безопасность» [Beck, 2010, p. 79]. Это изнуряющее для человека состояние, по мнению Бека, происходит потому, что «формируется сумеречная зона между уходом национальной эпохи и наступлением космополитической эпохи» [Beck, 2007, p. 2] — трансформация, при которой человечество оказывается в совершенно новой системе координат, постоянно мутирующей и не дающей ощутить твердую почву под ногами.

Эта сумеречная зона проявляется в одновременности неодновременного, гибридизации «уже нет» и «еще нет», а также замене линейной логики «или/или» на нелинейные сценарии «и/и». Она объединяет «то, что раньше казалось взаимоисключающим — общество и природу, социальные науки и материальные науки, дискурсивное конструирование рисков и физические угрозы» [Beck, 2010, p. 27]. Смешиваются существующее и несуществующее, настоящее и отсутствующее, близкое и далекое. Устраняются барьеры между добром и злом, нормальным и девиантным. Растворяются различия между возможностью и реальностью, субъективизмом и объективизмом, равновесием и разрушением. В ходе этой трансформации старые концепции с устойчивыми значениями превращаются в «категории-зомби», чья кажущаяся стабильность — не что иное, как иллюзия, остаток модернистского воображения.

«Вавилонская путаница политических концепций», описанная Беком [Beck, 2007, p. 281], затрудняет определение того, кто на чьей стороне. Кажется, все перевернулось с ног на голову: корпорации защищают антикорпоративные движения, финансовые спекулянты осуждают спекуляции, мирная риторика порождает возможность войн, а «призывы к справедливости и человечности становятся мечом, который используется для вторжения в другие страны» [Ibid., p. 17]. Отмена противоположностей, возведенная на уровень принципа, подрыва-

ет здравый смысл людей, ищущих общие идентичности и значения ради ощущения безопасности и определенности.

Именно эта потеря здравого смысла и связанный с ней «глубоко укоренившийся страх перед неизвестным», по мнению испанского социолога Мануэля Кастельса, заставляют людей объединяться в различные антиглобалистские движения, такие как исламский или христианский фундаментализм, в поисках «потерянной невинности» [Castells, 2010, p. 29]. Тревога и страх, связанные с потерей всего привычного и стабильного, становятся центральной проблемой «гипер», «радикализованной» или «ликвидной» современности — «состояния, в котором социальные формы... больше не могут (от них этого и не ожидают) сохраняться долго, потому что они разлагаются и тают быстрее, чем требуется времени для их фиксации» — наблюдение, сделанное польским философом Зигмунтом Бауманом [Bauman, 2007, p. 1].

Устраняя барьеры между знанием и невежеством, добром и злом, нормальным и девиантным, сетевая шизофрения, формировавшаяся на наших глазах в глобальных информационных сетях, которые ранее попросту отсутствовали, подрывала здравый смысл людей, ищущих общие значения, одновременно усиливая страх перед неизвестным до беспрецедентного уровня [Safranski, 2005]. Как отметил Жак Бодрийяр, наступление новой эпохи было сопряжено с «радикальной, катастрофической тревогой» [Baudrillard, 1998, p. 67].

Мечтая вернуться к здоровому смыслу и порядку, жертвы сетевой шизофрении неохотно принимали и принимают ее как жизненную необходимость. Они «с тревогой сомневаются в том, имеет ли жизнь смысл, или задаются вопросом, в чем же ее смысл», как отметил Тейлор [Taylor, 1992, p. 16]. По мнению философа, бессмысленность, определяющая наш век,

соответствует недавнему изменению доминирующих характеристик психопатологии. Это неоднократно отмечалось психоаналитиками, что период, когда истерики и пациенты с фобиями и фиксациями составляли основную часть их клиентуры, начиная с классического периода Фрейда, недавно уступил место времени, когда основные жалобы концентрируются вокруг «утраты эго», или чувства пустоты, бесполезности, отсутствия цели или потери самооценки [Taylor, 1992, p. 19].

Сдвиг в стилях патологий, описанный Тейлором, соответствует «потере горизонта» — структуре чувств, которая стала определяющей на стыке XX и XXI вв. внутри западного общества, что и пытались осмыслить по крайней мере некоторые теоретики постмодерна.

Что важно отметить: радикальная тревога и «потеря горизонта» возникали не благодаря теоретическим интервенциям этих теоретиков — их теории стали попыткой осмысления этой новой реальности на стадии, когда она только зарождалась. Другой вопрос, что, придавая этой грандиозной трансформации смысл освобождения от поработающих идеологий и таким образом приветствуя ее, некоторые (далеко не все) философы, пытающиеся осмыслить постмодерн, только усугубляли словесную неразбериху. Формулируя проблему таким образом, можно не соглашаться с рецептом освобождения человечества от западнцентризма с помощью психоаналитической программы Делеза и Гваттари, но трудно не согласиться с первопричиной возникновения этой программы — тем, что аргентинский философ Энрике Дуссель охарактеризовал как всеобъемлющую «деградацию» проекта западного модерна [Dussel, 2001].

Отталкиваясь от понимания этой первопричины и соглашаясь с постмодернистами в том, что освобождение возможно только при изживании «колониальности» мышления [Quijano, 2000] — повсеместного проник-

новения западнцентричного колониального воображения во все аспекты нашей жизни, включая то, как мы думаем, общаемся и действуем, многие теоретики деколонизации принимали постмодернистский метод деконструкции западнцентричных идеологий, при этом не обязательно отказывались от метанарративов вообще. В конце концов отказ от западного модерна и поиск альтернативных путей развития — то, чем занимаются исследователи, работающие в деколонизальной парадигме, — это ведь в своем роде тоже метанарратив, только антизападного толка.

ОТКРЫТИЕ, ЗАКРЫТИЕ И ФИКСАЦИЯ ДИСКУРСА

Говоря по-другому, отказ от западнцентричных идеологий не обязательно подразумевает отказ от любых идеологий, хоть и нового толка. Оригинальное решение этой проблемы предложили Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф, аргентинский и бельгийский политические философы соответственно. Развивая идеи французского психоаналитика Жака Лакана, они констатировали следующее: «Дискурс, неспособный к генерированию какой-либо фиксированности значения, — это психотический дискурс» [Laclau, Mouffe, 1985, p. 112]. Этот психотический дискурс возникает именно тогда, когда шизофреник, описанный Делезом и Гваттари, переходит от одного кода к другому и намеренно путает все коды, быстро меняя один на другой. При таком психотическом дискурсе смысловая коммуникация невозможна, как невозможно и создание какой бы то ни было цельной идеологической структуры.

По теории дискурса Лаклау и Муфф, для того чтобы смысловая коммуникация состоялась, должно состояться так называемое дискурсивное замыкание, т.е. фиксация узловых точек (привилегированных означающих)

в эквивалентной цепи, объединяющей эти точки в дискурс. При этом, однако, следует понимать, что фиксация смысла при таком замыкании — явление временное, так как смысл может поменяться под воздействием обстоятельств, и тогда старые эквивалентные цепи разрушатся и появятся новые смысловые связи.

Парадоксальная невозможность и в то же время необходимость дискурсивных замыканий является одним из центральных постулатов дискурсивной теории Лаклау и Муффа. С одной стороны, никакое значение/смысл невозможно установить или передать без дискурсивного замыкания; с другой стороны, такие фиксации смысла всегда нестабильны, даже если они и существуют в течение длительного времени. Любая окончательная фиксация значений невысказима, поскольку их можно дестабилизировать, активизируя альтернативные связи между элементами поля дискурсивности — резервуара всех доступных дискурсивных элементов. Именно здесь на первый план выходит идея случайности, центральная для дискурсивной теории Лаклау и Муффа. Поскольку при артикуляции означающие могут оказаться связанными с альтернативными ассоциациями, что может привести к формированию альтернативных дискурсов, любую смысловую конфигурацию следует рассматривать как потенциально подверженную изменениям.

В соответствии с этой теорией, хотя окончательная фиксация смысла невозможна, длительные (но не бесконечные) дискурсивные замыкания все же случаются — либо через социальную «седиментацию», когда с течением времени следы «случайности» формирования определенных смыслов стираются и они начинают представляться как незыблемые и вечные [Laclau, 1990, p. 34], либо через «административную практику, которая бюрократически решает социальные вопросы» [Laclau, 2001,

р. 12]. Под последним имеется в виду жесткий контроль в сфере информационной политики. Такое длительное замыкание дискурса с помощью институциональных механизмов Муффф называет «тоталитарным закрытием дискурса», производящим радикальный общественный антагонизм и ведущим к тоталитарным методам управления [Mouffe, 2009].

Резюмируя дискурсивную теорию Лаклау и Муффф, можно заключить следующее: принятие постмодернистской программы идеологической/дискурсивной деконструкции идеологий западного модерна совсем не обязательно означает согласие с идеей о том, что освобождение от этих поработощающих идеологий возможно только при помощи шизоризоматической свободы неограниченных смысловых игр. Следуя теории Лаклау и Муффф, можно признать и факт того, что никакой смысл не может быть вечным и любые понятия могут с течением времени и при разных социокультурных обстоятельствах осмысливаться по-другому, приобретая альтернативные значения.

Данная книга написана именно в этом ключе. С использованием теории Лаклау и Муффф в ней анализируется история бывшего комика, эксплуатировавшего в своей политической программе тот самый гибридный подход — замену линейной логики «или/или» на нелинейный сценарий «и/и», о котором писал Бек. История прихода к президентской власти Владимира Зеленского — политический проект, в котором телевизионный сериал был задействован в качестве неофициальной предвыборной программы, — рассматривается также и в свете теории «интегральной вселенной» Бодрийера, где «реальность исчезает в руках кино, а кино исчезает в руках реальности» [Baudrillard, 2005, p. 125] и где «нет больше ни актеров, ни зрителей» [Ibid., p. 135]. В результате анализа, представленного в книге, политический

перформанс Зеленского предстает как игра «на грани реальности и ее исчезновения» [Baudrillard, 2005, p. 69], т.е. как интегральная реальность.

Хотелось бы отметить, что такая аналитическая призма не была предметом сложного аналитического выбора, она напрашивалась сама собой — с самого начала политической карьеры Зеленского разговоры о симулякре не затихали в телевизионных студиях Украины, где аналитики спрашивали друг друга: «Это реальность? Или еще одна шутка? Это все еще спектакль? Мы уже находимся в симулякре?» [Канал 5, 2021]. Вот интересный отрывок из телепрограммы по этому поводу:

Аналитик: Это кинематографическая реальность, которая дала возможность Зеленскому выйти по второй тур. Победить в первом туре. Потому что что такое кино? Обещает же не Зеленский — обещает Голобородько... Актер обещает! Персонаж обещает!

Ведущий: Ну а против кого будет импичмент, против Зеленского или Голобородько, в случае чего? [Канал 112, 2019].

Вопрос вызвал смех. Ни аудитория в студии, ни население страны в целом еще не понимали последствия вступления страны в сумеречную зону спутанных смыслов. Значение этой путаницы Украине еще предстоит осознать. Тогда, в 2019 г., она смеялась над нелепыми (как тогда казалось) вопросами, которыми за 15 лет до этого задавался Бодрийяр. «Существует ли реальность? Мы в реальном мире? — это лейтмотив всей нашей нынешней культуры», — писал мыслитель, и его размышления над происходящим не выглядели забавными [Baudrillard, 2005, p. 26].

Как показывается в этой работе, в истории Зеленского грань, отделяющая реальное от виртуального, была размыта с самого начала: было неясно, где заканчивает-

ся перформанс и начинается реальная политика. Предвыборные обещания Зеленского, данные им посредством сериала, были абсолютно нереалистичны, но никто не мог быть привлечен к ответственности, потому что обещания были даны в рамках телесериала. Симулякротом оказались и «партия» Зеленского, названная как сериал, и якобы «демократическая» процедура принятия антинародных законов с помощью этой партийной машины, и «нужды народа», дискурсивно конструированные Зеленским, и т.д., и т.п.

Поскольку грань между виртуальным и реальным была размыта с самого начала, украинцы оказались в сумеречной зоне без смысловых границ, без правды и лжи — в зоне, которая «пожирает в своем огромном брюхе как действующих лиц, так и противодействующих лиц и даже питается сопротивлением: она выбивает почву из-под ног сопротивляющихся, устраняя принцип оппозиции» [Beck, 2007, p. 290]. Демонтаж основ политического процесса — логический результат демонтажа принципа оппозиции — стал одной из главных особенностей неолиберального авторитаризма Зеленского, который был сформирован на грани виртуального и реального.

СТРУКТУРА КНИГИ

В первой части книги рассматривается история Зеленского в контексте интегральной реальности неолиберального мира. В *первой главе* обсуждается смысл интегрального проекта Зеленского с точки зрения так называемого ордоглобализма — континентальной школы неолиберального мышления с ее общей тенденцией к стремлению защитить глобальный рынок от суверенного демократического давления [Slobodian, 2018]. Во *второй главе* анализируется, как именно властная машина Зеленско-

го, подавившая демократическую энергию народа после его избрания президентом, создавалась на грани реального и виртуального. В *третьей главе* на примере украинской земельной реформы, одобренной при правлении Зеленского, рассказывается о том, какие социально-политические последствия могут иметь интегральные политические проекты.

Вторая часть книги посвящена транснациональному популистскому проекту Зеленского после 24 февраля 2022 г. В *четвертой главе* анализируется, как Зеленский дискурсивно конструировал глобальный мир в виде жесткой дихотомии «цивилизованных людей» — тех, кто разделяет ценности свободы и демократии, и «варваров», отвергающих эти ценности. В *пятой главе* обсуждаются альтернативные смыслы, исключение которых из глобального смыслового поля обеспечивало нормализацию гегемонистского дискурса, проповедуемого Зеленским. В *шестой главе* итоги правления Зеленского обсуждаются в контексте теорий постмодерна, в соответствии с которыми интегральная шизофрения, используемая стратегически для достижения политических целей, приводит к социальным патологиям, таким как общественная дезориентация и потеря смысла.

В книге переосмыслены результаты авторских работ, в которых исследовался интегральный популистский проект Зеленского и которые были опубликованы в монографиях и статьях, выпущенных ведущими академическими издательствами (см.: [Baysa, 2022a; 2022b; 2023a; 2023b; 2023c]).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru